

Глава 16

В городе Сидайи жизнь текла своим чередом.

На улицах в основном встречались лишь глубокие старики да малые дети. Казалось, все они были одной крови: золотистые волосы, чистые лазурные глаза, одежда простая, но опрятная. Старики коротали время за вином и неспешными беседами, пока ребятня с криками носилась вокруг.

Лица всех этих людей светились безмятежностью и довольством. Ни тени забот, ни капли тревоги.

— Слушай, а те чужеземцы, что приехали на днях... Почему они вечно сидят взаперти? — Мальчик в легкой рубашке и коротких штанах подошел к старику, увлеченному партией в шахматы. — Скрытные какие-то. Жутко интересно!

Его вихры забавно вились, в больших ясных глазах горело любопытство. В руках он вертел нехитрую игрушку — самодельный деревянный лук, отшлифованный до блеска частыми прикосновениями маленьких ладоней.

Старик, одетый в ладно сидящий костюм, несмотря на седину в волосах, выглядел крепким. Сквозь тонкую ткань рубашки проступали тугие узлы мышц, а предплечья казались литыми из стали. Лишь одно портило вид его сильных рук — на правой не хватало мизинца, и этот шрам выглядел пугающе.

Однако ребенок, привыкший к нему, ничуть не боялся. Он бесцеремонно накрыл ладошкой доску, мешая старику сделать ход.

— Погоди, погоди, Старый Дэ! Сходи сюда, а то Нетт тебя в два счета обыграет.

Сидящий напротив старик с изломанной бровью осклабился, обнажив ряд желтых зубов.

— Ах ты сорванец! Кого это ты «старым вонючкой» назвал?! — притворно рассердился Нетт.

Мальчишка со смехом показал ему язык:

— Да тебя и назвал!

Нетт со стуком бросил фигуру на доску:

— Всё, не играю! Никакого интереса с вами.

Он оперся руками о стол и подался вперед, понизив голос:

— Господин из Западных Земель выглядит весьма внушительно, не чета нам, простым жителям Сидайи. Хоть их там и целая толпа, сразу видно, кто тут главный. А дама, которую он поддерживает...

Он коснулся пальцами воротника, изображая украшение:

— На шее у нее ожерелье. Хоть они и кутаются в плащи, я в тот день стоял на балконе — так сверкнуло, что глазам больно стало.

Другой старик, Старый Дэ, казался безучастным.

— У богатеев с Запада всегда денег куры не клюют, чего тут дивного, — он приложился к бутылке и сделал долгий, жадный глоток.

— Какой же ты всё-таки скучный! Никаких развлечений у тебя нет, даже косточки заезжим господам перемыть лень. Эх, Старый Дэ, чем старше, тем несноснее, — Нетт раздосадованно крикнул и принялся сворачивать самокрутку из грубого табака. — Слушай, может, завтра возьмем мальчика с собой? Пусть посмотрит, мир повидает.

— Старый Дэ, я хочу! Я хочу! — ребенок припал к столу, во все глаза глядя на старика.

Дэ посмотрел на дом, который сняли чужестранцы. Солнце нещадно слепило, заставляя его щуриться.

— Еще чего! Эта дама того и гляди дух испустит. Наш лекарь только руками развел — не знает, что за хворь такая. Скоро выставим их вон. Не хватало еще, чтобы они заразу разнесли прежде, чем мы успеем на них заработать.

Дэ потрепал мальчишку по голове и лениво потянулся.

— А ты, малец, не болтай попусту. Ступай лучше, сделай еще пару луков. Пора уже и пользу приносить.

Прогнав ребенка, старик хрустнул шеей. Перед глазами всплыл ночной визит.

Тот человек был одним из охранников западного господина. С лицом уроженца Восточных Земель, поджарый, гибкий. Он не обладал мощью местных силачей, но двигался бесшумно, точно тень. Пробрался в дом глухой ночью так, что никто и ухом не повел, лишь лезвие меча тускло блеснуло в лунном свете.

Дэ проснулся от холода стали у самого горла.

«Наш благодетель снова подкинул выгодное дельце. Прислал человека, который угрожает мне мечом, будто мы от денег откажемся! На этот раз золота дали еще больше — на расходы. Уж не знаю, какую обиду этот ювелир затаил на бедолагу с Запада...»

Он вытащил из кармана увесистый кошель и прикинул на руке его вес.

— Самое время дать весточку парням в лесной чаще. Пусть разминают кости, пора приниматься за работу.

Старый Дэ посмотрел на солнце и улыбнулся. Он хищно оскалился белоснежными зубами на своем добродушном, казалось бы, лице.

В столице Восточных Земель, за тысячи ли от этого места, Цзянь Хуай и не подозревал о случившемся.

Время тянулось невыносимо медленно. Он ждал, но те, кого он так чаял увидеть, всё не появлялись.

От горячей воды бледное лицо Цзянь Хуая чуть порозовело. На ресницах дрожали прозрачные капли, а в синеве глаз, подернутой влажной дымкой, мерцали блики. Трудно было отвести взгляд — хотелось подойти ближе и увидеть в его зрачках собственное отражение.

Цзяи сбросил рубаху, обнажив литое, перечеркнутое шрамами тело. Он не был так бледен, как Цзянь Хуай: кожа его отливала здоровым бронзовым цветом, а старые отметины лишь добавляли облику суровой, почти пугающей мужественности. В его взгляде и жестких чертах лица читались холод и решимость, не свойственные его годам.

Подойдя к ванне, Цзяи опустился на одно колено. Взяв кусок душистого мыла, он принялся осторожно намыливать мягкие, темные волосы Цзянь Хуая, стараясь не задевать изящные уши. Его движения были непривычно нежными.

Цзяи скользнул ладонью по волосам, открывая белоснежную раковину уха. На самой мочке алел след — напоминание о недавней страсти, проступающее сквозь белую пену. Тонкая, почти прозрачная кожа, сквозь которую виднелись синеватые жилки, казалась воплощением хрупкого соблазна. Взгляд Цзяи потяжелел.

«Так даже лучше, — думал он. — Быть может... само провидение всё устроило именно так».

Он знал, что сердце Цзянь Хуая подобно чистому льду. Даже если Лилиан и Кеннет сгинут навсегда, он справится. Горькая печаль со временем утихнет, а воспоминания подернутся дымкой забвения. И тогда он останется единственным, кто будет рядом.

— Ты так и не ответил на вопрос, Цзяи Эдгар.

Цзянь Хуай крепко перехватил запястье мужчины и с силой отвел его в сторону. Его ладонь, мокрая и скользкая, плотно прижалась к горячей коже Цзяи, пальцы впились в предплечье. Цзяи в присутствии юноши, казалось, всегда пылал жаром.

Стряхнуть эту руку не составило бы для него труда, но он и не думал сопротивляться. Он просто стоял на коленях на холодном полу, не отрывая взгляда от капель воды, сбегаящих по телу Цзянь Хуая. Одна из них скользнула по черному шелку ресниц и сорвалась вниз, когда тот моргнул. Влага блестела на переносице, а губы, обычно бледные и тонкие, налились цветом от горячего пара.

Цзяи задержал взгляд на глубоких впадинах ключиц — они походили на изысканный сосуд из белого нефрита, в котором затаилась кристально чистая вода.

— Цзянь Хуай, — голос его сорвался на хрип. — Я уже говорил: я давно отбросил имя Эдгаров. Я хочу быть только твоим Цзяи.

Он поднял глаза, встречаясь с ледяным взглядом юноши:

— Ты на словах твердишь о доверии, но в глубине души никогда не верил мне. Ты упрямо ждешь предательства, выискивая малейшие его следы.

— Это не так, — отрезал Цзянь Хуай.

Он считал, что раз пообещал доверять, значит, вручил свою судьбу в руки Цзяи без остатка. Он медленно разжал пальцы и убрал руку.

— Не так, — Цзяи протянул руку и коснулся обнаженной груди юноши там, где билось сердце.
— Возможно, ты сам еще не осознал этого, но в самом сокровенном уголке своей души ты не желаешь открываться. Раз уж ты спросил, я не стану больше скрывать. От них уже много дней нет вестей, но последнее донесение гласит...

Он поднялся и посмотрел на Цзянь Хуая сверху вниз:

— Твои родители, скорее всего, покинули этот мир.

В его взгляде, прикованном к юноше, смешались жажда обладания и неистовый огонь.

Цзянь Хуай резко вскинул голову. Его лицо стало мертвенно-бледным, почти прозрачным.

— И это... всё, что ты мне обещал? — голос его звучал ровно, но взгляд был острым, как клинок.

— Госпожа Лилиан заразилась Черной смертью, что сейчас свирепствует на Западе. Лекари Сидайи оказались бессильны. Они сказали господину Кеннету, что в лесной чаще за городом обитает чудесное существо, чьего облика никто не видел. Говорят, от него исходит девятицветное сияние, а плоть и кровь его способны исцелить любую болезнь. Рассказывали о некоем праведнике, который, умирая от хвори, ушел в тот лес и вернулся абсолютно здоровым, прожив потом долгие годы в богатстве и почете.

Цзяи помедлил, глядя на реакцию Цзянь Хуая.

— Лекари убедили Кеннета, что только это спасет его жену. И как раз в то время жители Сидайи, прознав о болезни Лилиан, вышвырнули их из города. Цепляясь за последнюю надежду, он вместе с охраной отправился в чашу. Но там они столкнулись с бандитами реки Лухэ. Лилиан погибла от удара меча, а Кеннет, раненый, упал в реку. Его унесло течением.

Цзянь Хуай сидел, высоко вскинув подбородок. Его взгляд подернулся инеем.

— Откуда тогда у тебя эти сведения? — Лицо его стало совсем бескровным, точно он был не в горячей воде, а посреди арктических льдов.

— Из всей группы выжил лишь один стражник по имени Сия. Он прислал весть, и я уже отправил людей прочесать окрестности, но Кеннета пока не нашли.

Цзяи снова опустился на колени. Грубая ткань его брюк мгновенно намокла.

— Я понимал, как это будет больно, и не знал, как подступить к этому разговору.

— Ха... ха-ха...

Цзянь Хуай вдруг коротко рассмеялся. Он криво усмехнулся и поманил Цзяи пальцем:

— Подойди ближе.

И прошептал, обдавая его жаром:

— Ну же, подойди...

Цзяи послушно склонился, вглядываясь в осунувшееся лицо.

Хлесткий удар ладонью.

Цзянь Хуай с размаху влепил ему пощечину, так что голова Цзяи мотнулась в сторону. Мужчина, словно ожидая этого, лишь слегка качнулся и тут же выпрямился.

Он провел большим пальцем по губе, стирая выступившую из разбитого уголка кровь. Его взгляд потемнел.

— Если тебе станет легче, бей еще. Сколько хочешь.

Хлесткий удар.

Цзянь Хуай ударил снова.

Цзяи смотрел, как тяжело и неровно вздымается грудь юноши. Подавшись вперед, он перехватил его красные от ударов ладони и одной рукой зажал оба запястья у него на животе. Другой рукой он обхватил голову Цзянь Хуая, прижимая его лицо к своей груди.

Воздух в комнате был тяжелым от влаги, и каждый вдох отзывался в груди ноющей болью.

«Что бы ни случилось, у тебя остался только я. Можешь ненавидеть меня, можешь презирать — это неважно. Ты больше не сможешь от меня уйти».

Кеннет лежал на траве у самой кромки воды, израненный и обессиленный.

Его плащ, зацепившийся за плечо, тяжелым коконом обволакивал тело. Сквозь прорехи в ткани виднелись некогда роскошная шелковая рубашка и жилет, теперь безнадежно пропитанные кровью. Земля под ним почернела от влаги.

Кеннет полуприкрыл глаза, его зрачки подернулись пеленой. Он безучастно смотрел в темнеющее небо. Черные пряди волос разметались по траве, оттеняя смертельную бледность лица, которое даже сейчас не утратило своего благородного изящества.

Рана на бедре пульсировала тупой болью, но сознание уже ускользало. Кеннет больше ничего не видел — ни своей нежной жены, ни дома.

В памяти всплыл образ любимого сына.

Он так тосковал по Нилу. Вспоминал, как тот ребенком хмурил свое серьезное личико, но, когда отец брал его на руки, крепко обхватывал его шею пухлыми ладошками. От этого воспоминания сердце Кеннета болезненно сжалось.

Он видел, как сын растёт. Как он учил его держаться в седле и стрелять из лука. Маленький мальчик превратился в прекрасного юношу; он всё так же был скуп на эмоции, но, сидя на коне, невольно оборачивался, чтобы встретиться взглядом с отцом и обрести уверенность.

Кеннет помнил, как пальцы Нила стали длинными и гибкими, как они летали по черно-белым клавишам, извлекая чарующие звуки. А он в это время кружил в танце свою красавицу-жену в залитой светом гостиной.

Тот вечер стоял перед глазами так ясно: аромат цветов, ворвавшийся в окно вместе с легким ветерком, мерный взмах занавесок у рояля. Он обнимал Лириан, а Нил играл для них — музыка была полна чувств, и это мгновение казалось бесконечным счастьем.

Его сын унаследовал от него вороновое крыло волос, а от матери — ясную синеву глаз.

Больше он его не увидит.

Кеннет закрыл глаза. Он представил, как приезжает в Восточные Земли, как, одетый с иголки, встречает сына и видит, как тот бежит к нему, раскинув руки. Интересно, заплакал бы вечно спокойный Нил в этот миг? Бросился бы в его объятия?

В глазах сына он навсегда остался бы тем самым — сильным, благородным и мудрым отцом, его защитой и опорой.

Кеннет невольно улыбнулся.

Больше шанса не будет. И это к лучшему — Нил не увидит его таким: жалким, беспомощным, умирающим в грязи.

Пусть его мальчик живет как прежде — не зная слез, не ведая горя, холодный и свободный.

Холодная вода реки сомкнулась над телом Кеннета.

А на берегу стоял высокий человек, глядя, как стремительный поток подхватывает раненого и уносит его в самую глубь темного леса.